

УДК 393.94 (=470.531)

НАРОДНЫЕ ПОМИНАЛЬНЫЕ МОЛИТВЫ: ЖАНРОВАЯ ПОЭТИКА И СПЕЦИФИКА БЫТОВАНИЯ

Светлана Юрьевна Королёва

к. филол. н., доцент кафедры русской литературы

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, ул.Букирева, 15. petel@yandex.ru

Елена Михайловна Четина

к. филол. н., доцент кафедры русской литературы

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, ул.Букирева, 15. chetina@mail.ru

Илья Юрьевич Роготнев

к. филол. н., старший преподаватель кафедры русской литературы

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, ул.Букирева, 15. rogotnev05@mail.ru

В статье рассматривается малоисследованная жанровая разновидность народных поминальных молитв, записанных авторами в северных районах Коми-Пермяцкого округа. В основе их композиционной структуры лежит открытый перечислительный ряд. Персонажи, упоминаемые в текстах, могут быть разделены на 5 групп: 1) персонажи церковно-христианского происхождения; 2) местные первопоселенцы, фигурирующие в фольклоре; 3) персонажи, носящие имена с семантикой «открывания-закрывания»; 4) умершие родственники; 5) умершие неестественной смертью («заложные»). В молитвах особым образом отражается ситуация межкультурного пограничья и межэтнического взаимодействия русских и коми-пермяков.

Ключевые слова: коми-пермяки; народные поминальные молитвы; композиция; жанровые особенности; локальная традиция; народная религия.

В известном очерке конца XIX в. этнограф И.Н.Смирнов, описывая коми-пермяцкую поминальную трапезу на 40-й день, приводит фрагмент ритуального приглашения, с которым присутствующие обращаются к душам умерших: «В Чердынском уезде приглашаются вместе с поминаемым усопшим *“кляшники, ларешники, дедушки, бабушки, души безродных, в лесу заблудшие, в воде утопшие”*. Пермяки убеждены, что все приглашаемые невидимо присутствуют на поминальном пиру» ([Смирнов 1891: 244]; здесь и далее курсив в цитатах наш. – С.К., Е.Ч., И.Р.). Можно предположить, что исследователь фиксирует одну из устных формул – обращений к умершим, которые распространены у восточных славян и многих финно-угорских народов. Некоторые из них И.Н.Смирнов упоминает в других своих работах; так, чтобы позвать усопшего на години, удмурты говорили: *«Твои години поспе-ли <...>. Всех умерших около себя собери. Будь*

здоров. Вместе с окружающим народом приходи есть, пить. И вы, деды, бабушки, выходите есть, пить» [Смирнов 1890: 183]. Бытуют подобные формулы-приглашения и у коми-пермяков. Перед началом поминальной трапезы кто-то из старших членов семьи произносит: *«Вошштö-те, баббез, деддэз и быдöнныт! (Напитайтесь духом пици, бабушки, дедушки и все!)»* [Климов 2005: 58]. Из этнографических источников следует, что формульные обращения к умершим произносятся обычно на родном языке; это подтверждают и полевые наблюдения авторов статьи, не раз присутствовавших на коми-пермяцких поминальных обрядах. Но ритуальное приглашение, зафиксированное в очерке И.Н.Смирнова, явно представляет собой фрагмент не переводного, а русскоязычного текста, о чем, в частности, свидетельствует использованная лексика (существительные *кляшники, ларешники, причастия заблудшие, утопшие*). Этот

факт дает основание предполагать, что этнограф XIX в. имел дело с текстом иной жанровой природы и иного происхождения, нежели традиционные формулы-приглашения. По-видимому, перед нами одна из первых записей особой разновидности народных (апокрифических) поминальных молитв, заимствованных у русского населения и до сих пор бытующих в Коми-Пермяцком округе.

Долгое время исследователи традиционной коми-пермяцкой культуры обходили вниманием этот своеобразный пласт религиозного фольклора. Ситуация изменилась в последнее десятилетие, когда появились работы, содержащие записи такого рода текстов. В их числе укажем публикации сыктывкарского фольклориста С.В.Чугаевой [Чугаева 2007, 2008], а также работы авторов статьи [Четина 2009, 2010; Королёва 2011]. В живом бытовании апокрифические молитвы и обряды поминального цикла зафиксированы в антропологических фильмах Е.М.Четиной «Черэшлан – говорящий топор» (2002 г.), «Ты прости, ко, прощай» (2004 г.) и «Всемирный Семику» (2007 г.). Таким образом, на данный момент наиболее изученным можно считать контекст бытования народных поминальных молитв (далее – НПМ), связанный с коми-пермяцкими поминальными практиками. Однако не менее интересной для исследования представляется поэтика жанра как таковая: характерные для нее композиционные приемы и система образов отражают процесс адаптации исходных русскоязычных текстов к локальным фольклорно-мифологическим традициям и обрядовым нуждам коми-пермяков. В статье мы представим зафиксированные нами тексты НПМ (все они собраны в 2000–2011 гг. в ходе экспедиций Лаборатории культурной и визуальной антропологии ПГНИУ (рук. Е.М.Четина) на территории Коми-Пермяцкого округа), охарактеризуем их поэтику и отметим некоторые особенности бытования.

Записи НПМ и предварительные комментарии. Чтобы составить, по возможности полное, представление о той жанровой разновидности НПМ, которой посвящена статья, ниже приводится 14 молитвенных текстов (2 из них – с вариантами):

№ 1. «Господи Иисусе Кресте, Сыне Божие, молитвами. Во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь (3 раза). Помяни, Господи, первых людей: Евгия Адама, Петра Павла, Кузьма Заклюшника, Осипа Задверника, царя Давыда, царя свяшшенника, митрополиты, архипомандриты, <нрзб.> Иона. Три тысячи младенцев, три тысячи младенцев, три тысячи младенцев. Мать сыра земля, открывайте ворота лево и направо, отпус-

кайте всех моих сродников, всех моих родителей, всех моих родственников. Помяни, Господи, военных солдат, на поле пропавших, честных и праведных, топором отчианных, ножом отрезанных, землей задавленных, ружьем застреленных, воду утопляшшиися, без вести пропавшиися, Иван Батальонок. Помяни, Господи, все мои родители, все мои родственники, сусстари дедушки, сусстари бабушки, знавшие и не знавшие, в воду утопляшшиися, в огне загоревшиися, в лесу заблудяшшиися, бездетные благодетели и добродетели, плодные и бесплодные, близкие и дальние, петлей висяшшиися, на дороге пропавшиися, водой умывавшиися. Вологодская Богородица, Варвара Мученица, идите, помяните, что у меня есть на столе» (записано от ГИА в 2000 г.; список информантов см. в конце статьи).

№ 1а. «Помяни, Господи, первых людей, Еву и Адама, Петра Павла, Козьму Заклюшника, Осипа Задверника, царя Давыда, царя священника, митрополиты, архимандриты, <нрзб.>, сорок тысяч младенцев, сорок тысяч младенцев, сорок тысяч младенцев. Мать сыра земля Варвара, открывайте ворота налево и направо, отпусайте всех моих сродников, знающих и незнающих, близких и дальних, все стары дедушки, все стары бабушки, <нрзб.> на мои могилы» (записано от нее же в 2011 г.).

№ 2. «Помяни, Господи, усопших раб твоих, родителей моих, родственников, начальников, благодателей и всех православных хрестьян. Простимся, согрешенья вольная и невольная, даруем царствие небесное. Осип Ключник, Григорий Задверник, отворяйте двери Евы и Адама. Митрополит, Санополит, Онтрополит, Пантелеймон, надежда мать сыра земля, царь Константин, царица Елена, отворяйте ворота лево направо, отпустите всех младенцев, всех родственников, родственниц, нищих и ящих (?), в лесу заблудящих, топором рубляющих, ружьем стреляющих, в воде утонувших, в огне горящих, в петле висящих, знающие и незнающие, плодники и бесплодники, верующие, неверующие. Помяни, Господи, на войне убитых, в плен попавших, бездетные, вдовы, беспризорные, старолежачие повсюду, старые дедушки, старые бабушки». И вот помянем: Чач, Бач, Юкси, Пукси» (БАЕ).

№ 2а. «Помяни, Господи, на войне убитых, в плен попавших, бездетные, вдовы, беспризорные, старолежачие повсюду, <нрзб. – возможно, по-коми-перм.>» (БАЕ).

№ 3. «Она <мама> так читала. Встанет, побелит печку и начнет: “Помяни, Господи, всех святых, Ноя справедливого со всей семейством...” Я так только... Вспоминаю когда – читаю... “всех

сродственников по плоти, старые дедушки, старые бабушки, знающих и незнающих”, вот, потом читаю новых – все имена перечислю... вот, от своего рода, от мужа рода. А потом опять говорю: “знающих и незнающих. Помяни, Господи, всех святых, в лесу заблудавшихся, в воду утонувшиеся, на войне убитые, военнопленные”. Вот так читаю... Да много что читаю, но не могу, не могу рассказать сейчас» (из интервью с ФНП).

№ 4. «Помяни, Господи, все святые: Давыда да Данила, <нрзб.>, отпустите, грешники, праведных, помяните Господа православных крестьян, крестолобивые воинства всех погибших: дорожники, военнопленные, нищие, жаждущие, все заблудившие, утопляющие, суседы, братья, сестры, старые, девицы, Чадзь, Бадзь, Юксь, Пуксь, мокинские, шойнаыбские, нюрмэдорские» (БКЕ).

№ 5. «Святой Боже, Святой крепкий, святой бессмертный, помилуй нас! (3 раза). Вспомяни, Господи, всех святых: Давида, Исака, Данила, Якова, Давыда-переводчика <перевозчика?>, Ивана Крестителя, Елизавету, Захария, Чадзь, Бадзь, Юкси, Пукси, шойнаыбские, мокинские, нюрмэдорские, водоутопляющие, лесозаблуждающие, ножники, топорники, военнопленные, военноубитые, монахи, монашки, беспризорники, сироты и младенцы» (СМЕ).

№ 6. «Помяни, Господи, душу усопших раб твой Ева и Адама, <нрзб.> чачи бачи, военные, пленные, царь Канстатин, царица Мария, у Марии <нрзб. – Лукеря?>, Иван Креститель, Иван Бутыжник, Иван Замочник, Осипа да заключник. Берите семьдесят семь ключей, открывайте семьдесят замков, открывайте семьдесят семь дверей, отпускайте наших родителей. Аминь.

Помяните, Господи, Царь и Царицы. Первый праведник Боря, и Ева, и Адама <со> своими детьми Аниты и Политы. Помяните на рыбном пироге, кисель, печень, сусло, брага, блинами.

Помяните ближние и дальние, на войне убивающие, оружием стреляющие, в лесу заблуждающие, воде утопляющие, на дороге умирающие, ножом убивающие, вольные не вольные, всех родителей, сродников, благодателей, всех православных христиан, дарует им Царствие небесное» (из тетради РЕА).

№ 7. «Почи и почица (?) Кузьма и Данил, Ева и Адама, царские поколена, попами и дяками, всеми священниками. Иван Бутыжник, Иосифа ключники, Никита замочник. Пустите прав. дедушек, прав. бабушек, всех честных родителей, всех честных праведных, всех заморящих, ножом резающих топором рубящих, на дороге умирающие, на войне убивающие, воде утопляющие, под машину попавшие, в лесу заблуждающих,

бездетных, старых дедушек и бабушек. Аминь» (из тетради РЕА).

№ 8. «Помяни, Господи, Адама, Еву и усопших». <...> Когда свечку зажжешь, поклоны будешь ставить. На поминках. <...> А Юкся, Пукся – там ведь опять юкеевские, здесь нет <не поминают>. “В войну убивающие, в воде утопляющие, в огне горевшие”, – вот все это тоже скажут. <...> Всех называем. “Ножом резавшие, топором <нрзб. – коловшие?>, на дороге умирающие, все в огне сгоревшие, вольные и невольные”. А заканчивается “вечная память”» (из интервью с РЕА).

№ 9. «Помяни, Господи, Ева и Адама, Мока и Бориса, Улита и Полита, Кузьма, Кач, Бач, Портог и Домна, Сучковских, Бачковских, всех попов, всех дьяков, всех серебрянников, на море островчиков, пустынщиков, убивающих, в лесу заблуждающих, зверями растерзанных, ножом порезанных, пострелянных, самоубийцы, отравляющихся, задавливающих, в омраченных ума, парализованных, лихорадочных, <в> больнице умирающих, <с> голоду умирающих, бездетных, беспризорных, сироты и вдовицы, кормящих и поящих, подающих милостины и всех православных христиан, безбожных, коммунистов, ключники-замочники, Царя Давыта, Ивана Батожника, отворяйте ворота, отпустите наших родителей на честный, на праведный обед» (ГТВ).

№ 10. «Помяни, Господи, – Царство небесное, / Покойное место / Ева и Адама, отворяйте / Двенадцать замков / Золотыми ключами, / Отпустите всех наших / Родственников и родных» (из тетради ГНВ).

№ 11. «За упокой / Дарья, Екатерина, Дарья <Царя?> Давида / Ивана, Божника, Осипа / Дворника, Якова Батожника, / Советчика Ева и Адам. / Три тысячи дверей, замки, / три окна, отпирайтесь, / отпускайте наших родителей, / сродников, всех души усобших рабов. / Аминь» (из тетради ПЕФ).

№ 12. Помяни, Господи, / Ева и Адама, Лука, Марка, Митрия Полита, Мара, Кузьма, Кач, Бач, Парток, Домна, Афонасия, Сидора, Кучковских, Балкановских, всех попов, дьяков, всех серебрянников, 11ь священников, 40 мучеников, островчиков, пустынников. На войне убивающих, в госпитале умирающих, в больнице умирающих, в тюрьме сидящих, на дороге умирающих, дверями растерзающих, ножом порезанных, топором порубленных, самоубийцев, задавлиющих, отравляющих, в огне горящих, омраченных ума, в воде утопляющих, парализованных, кормящих, поящих и всех добродителей православных христиан, всех родителей, соседок, знакомых, нищих, забывающих по имени.

Ключики, замочки Ивана Батоженника, отпирайте ворота, отпускайте наших родителей, честных и правдивых. На честный обед. Помяни, Господи, / Всех родителей» (из тетради ПЕФ).

№ 13. «Помяни, Господи, / Еву да Адама, Улита и Полита, Мака и Бориса, Царя и Давида, сирот и девиц, Монашество, на воде утонувших, в лесу заблудших, на войне убитых, голодной смертью умирающих, безпризорных и бездетных, ключника и древника <дверника?>, Иоанна и Богослова, Иосифа Батоженника, священников Ивана, Тимофея, Аникия, Послушным Анна.

За упокой оптинские старцы. Иларион, Исаакий, Амвросий, Леонид, Макарий, Моисей, Варсонофий, Анатолий, Иосиф, Никон, Анатолий, Нектарий, Архимандрит, Тимофей, Иоан, Николай, Петр, Виктор. 4 тысяч младенцев, убитых за Христа, 40 тысяч мучеников, пострадавших за Христа. / Усопших родителей» (из тетради ВМГ).

№ 14. «Потом человек, старший, допустим, кто в семье, читает молитву перед богом. Ну, вот у меня, допустим, три иконы: Отец, Сын и Святой Дух, я молюсь и говорю: “Помяни, Господи, Анну Петровну”, – приглашаю как к столу ее. Потом говорю: “Помяни, Господи, в лесу блуждающих, помяни, Господи, ружьем пострелявших, помяни, Господи, ножом порезавших, помяни, Господи, тысячу младенцев...” И потом перечисляю того, кто меня, как это... обидел, чтобы его помянуть. Больше я ничего не знаю, может, больше где-то есть, в молитвенниках» (из интервью с ОЛС).

Почти все публикуемые записи сделаны нами на территории Косинского (№1–5) и Кочёвского (№6–13) районов Коми-Пермяцкого округа (далее – КПО). Исключение составляет текст №14, записанный в Гайнском районе; однако зафиксирован он от уроженки Кочёвского района, которая переняла молитву от своей землячки. Приведенные НПМ бытуют в двух формах – устной (№1–5, 8, 9, 14) и письменной (№ 6, 7, 10–13). В первом случае знаки препинания расставлены нами с учетом интонации звучащего текста; во втором сохранена орфография оригинала, а знаки препинания приведены в соответствии с нормами русского языка. В тетрадях информантов НПМ записаны либо линейно (№ 6, 7, 9, 12, 13), либо «в столбик» (№ 10, 11). Текст №10 зафиксирован дважды, но поскольку отличия касаются лишь знаков препинания, мы приводим один вариант. Текст №6, возможно, является результатом контаминации двух или более текстов, возникшей в процессе его переписывания друг у друга пожилыми женщинами.

Особый интерес представляют молитвы, которые удалось зафиксировать с вариантами. Тексты №1 и 1а были записаны от одного информанта с промежутком в 11 лет, при этом второй вариант молитвы существенно короче первого. По всей видимости, причина связана не с ухудшением памяти информанта, а с особенностями бытования НПМ: их композиция, в основе которой лежит открытый перечислительный ряд, допускает возможность «сворачивания» и «разворачивания» элементов текста. Об этом же свидетельствуют тексты №2 и 2а, записанные от одной носительницы традиции с промежутком в несколько дней. Примечательно, что развернутые варианты молитвы (№1, 2) были получены в ходе беседы собирателей и исполнителя, тогда как в ситуации реального поминального обряда информантами были произнесены значительно более короткие тексты (№1а, 2а).

Определенная степень импровизационности, которую предполагает исполнение таких молитв, заключается не только в компрессии (сокращении числа номинаций), но и в смене последовательности перечисляемых элементов и их варьировании. Показательны в этом отношении тексты №6 и 7: оба они обнаружены в тетради одного информанта, однако, как оказалось, пожилая женщина практически не пользуется ими. Судя по рассказу (№8), она помнит начальную и конечную фразы, а также основные наименования усопших, которых следует «помянуть»; сам же текст молитвы всякий раз составляется заново. Об отсутствии устойчивого заученного текста свидетельствует и другое записанное нами интервью (№3).

Образная система и композиционные особенности поминальных молитв. Комментарий И.Н.Смирнова к приведенному в начале статьи фрагменту обнаруживает, что этнограф затруднялся с определением перечисленных в нем персонажей: «Загробный мир находится в ведении каких-то ключников и ларешников, которые, по видимому, завидуют им <тем, кого поминают?> и приглашаются вместе с усопшими родными за поминальную трапезу» [Смирнов 1891: 249]. Современные записи НПМ позволяют выделить в них несколько групп персонажей, которые поддаются более или менее точной идентификации.

1) Персонажи церковно-христианского происхождения. К этой группе относятся ветхозаветные «первые люди» Ева и Адам, Ной праведный «с семейством», Исаак, Иаков, царь Давид, пророк Даниил; евангельские персонажи – Богородица, вифлеемские младенцы (убитые по приказу царя Ирода), Иоанн Креститель, его родители Захария и Елизавета, апостолы Петр, Павел,

Лука, Марк, Иоанн Богослов; христианская святая Варвара Мученица, равноапостольный царь Константин и его мать царица Елена. Сюда же можно отнести деятелей церкви, представленных в основном собирательно: «монахи, монашки», «монашество», «все поны, все дьяки, все серебряники <бессеребренники?>», «40 мучеников», «пустынники», «священники, митрополиты, архи(по)мандриты». Трансформированные названия церковных чинов могут фигурировать в молитвах как имена собственные («Митрополит, Санополит, Антрополит») или сопровождаться антропонимами («священники Иван, Тимофей, Аникий»).

Комментарии к текстам, записанные от носителей традиции, показывают, что библейские персонажи могут восприниматься ими как герои местной, локальной истории: *Деревня Войвыл, три километра отсюда, там мыжу лечат. Место есть Шойнаыб, Там Адам и Ева похоронены, они боги были. Ева, да Адам, да еще митрополиты какие-то. Их поминать ходят в субботу перед Троицей* (ФОО). Иногда детьми Адама и Евы называют легендарных первопоселенцев – основателей деревень Чазёво, Бачманово, Юксеево и Пуксиб: *И вот помянем: Чач, Бач, Юкси, Пукси. <...> Это Адам, у Адама и Евы эти сыновья были. А один, видишь, <в> Чазёво, Бач в Бачманове – деревни-то эти... открыли. Вот, а у нас Пуксиб* (БАЕ).

2) Местные первопоселенцы, фигурирующие в фольклоре. Обычно выявить имена или собирательные наименования этих персонажей можно через сопоставление с локальной фольклорной традицией. Их отличительную особенность представляет связь с реальными объектами локального сакрального ландшафта. Наиболее известными являются уже упоминавшиеся Юкся, Пукся, Чадзь и Бадзь, фигурирующие в топонимических преданиях: *Тут деревни четыре брата построили, так у нас говорили. Давно еще. У них один топор был. Вот первый, Юкся, построил Юксеево и второму кинул, пуксибскому-то. Тот построил Пуксиб и кинул в Чазёво. Тот тоже деревню построил и кинул топор четвертому. А это наша деревня и есть, Бачманово* (КМС). Иногда их называют «чудскими богатырями», но встречаются и другие варианты объяснений, указывающие, в частности, на «старообрядческий след»: *Юкся и Пукся братья были, в землянках себя похоронили. Столбы там были, они их подрубил. Староверы они были. Староверы – это первые, мы для них были пришлые, как уже мирские, что ли* (ПКМ). Согласно некоторым вариантам преданий братья похоронены на старом кладбище Важ-Чадзёв, расположенном рядом с

д. Чазёво Косинского района; вплоть до недавнего времени оно входило в число почитаемых «важ-мест», где ежегодно проводились коллективные поминки.

В народных молитвах, записанных в Косинском районе, упоминаются и другие «старые люди», похороненные на ныне не действующих кладбищах, – «мокинские, шойнаыбские, нюрмэдорские» (№4, 5). На территории КПО известно несколько старых кладбищ, носящих название Шойнаыб; жители Чазево и окрестных деревень считают, что в молитве упоминается старое лесное кладбище неподалеку от д. Пеклаыб: *Здесь жили когда-то люди. Жили бедно, семьи большие были, голодовка была, страшные года. И хоронились тут, лет сто уже, наверно, прошло. Может, больше, сто пятьдесят. Вот, от голода они тут приземлились. Сейчас старухи ходят тут в субботнее время, во время Семиков да что там, – в спомяльные дни. В субботу после Семика* (БНС). Некоторое время назад это место вышло из ряда почитаемых и перешло в разряд «страшных» (что, возможно, представляет собой естественную динамику функционирования таких локусов): *Сейчас не ходят <поминать>, бояться стали. Оно, говорят, предсказания дает: если тебе какая-то беда, то что-то там увидишь или услышишь. Три года назад один мужик задавился там – может, тоже кого-то там видел. Мать моя туда еще ходила, а я нет, боюсь* (СМЕ). В окрестностях села Пуксиб известен другой Шойнаыб – небольшое поле, расположенное в д. Войвыл; некоторые из похороненных там людей фигурируют под личными именами (или номинациями, которые воспринимаются в качестве таковых носителями традиции): *Там война, говорят, была. Там видели эти мечи и шапки. А это, Пантелеймон-то у них, говорят, был старший. <...> Там Санополит, Митрополит, Антрополит, Пантелеймон... Видимо, они старшие или что ли у них. Они там погибли. <...> Вот этих поминуют* (БАЕ); *Там стоял какое-то войско. Это мне мама говорила... Или она от давних тоже слышала? <...> И войско это заболело брюшным тифом. И тут, на Шойнаыб, их похоронили. <...> [А почему называли их “митрополиты”?] А Митрополит что, разве это не старое имя?* (ФНП).

Упоминаемые в НПМ «мокинские», или «важ-мокинские», – название «старых людей» («важжез»), похороненных на старинном кладбище возле д. Борино Кочёвского района. По свидетельству Л.С.Грибовой, в конце 1950 – середине 1960-х гг. это кладбище было одним из наиболее почитаемых мест, где ежегодно в субботу перед Троицей совершались массовые кол-

лективные поминки [Грибова 1975: 104–105]. Современные полевые исследования подтверждают его высокий сакральный статус (см. об этом: [Климов 2005: 155–161; Чугаева 2007; Четина 2010: 40–41; Королёва 2011: 197–198]). Как и в некоторых других случаях, рассказы о судьбе местных первопоселенцев контаминируются сюжетом о самопогребении чуди: *Там делают поминки, где старые люди себя закопали. Раньше очень жили плохо. Нечего кушать – семья зайдет в могилу, в яму. <...> Ой, как они плохо жили! Звали даже это место Чёрной Мокин: срубов не было, землянки себе строили, топили тоже по-черному, дымно было. Окна маленькие. Это старики рассказывали* (РАС). В 2011 г. от уроженок д. Борино (бывшее Мокино) нам удалось записать поминальную молитву (№9) и комментарии к ней, где некоторые из «мокинских» названы по именам («Мока и Бора, Улита и Полита»); причиной их самоубийства считают бездетность: *Мокей и Борис, у них жены были Ульяна и Пелагия. Это первые люди тут. Самые первые. За них надо, но, это <молиться>. Они когда-то сами копали яму, на столбах делали... У них дети, говорят, не были, и они сами себя там похоронили, вот и всё* (ХМЯ). Имена этих первопоселенцев распознаются и в других текстах (№6, 13).

3) Персонажи, носящие имена с символикой «открывания-закрывания». Особую группу составляют персонажи с «говорящими» именами, чья функция, по-видимому, заключается в том, чтобы охранять вход («двери», «ворота») в «иной мир»: Кузьма Заклюшник, Осип Задверник, Осип Ключник, Григорий Задверник, Иосиф-Ключник, Иван Заточник, Осип Заклюшник, Никита Замочник, Осип Дворник (т.е. Дверник), «ключники-замочники» и др. В этот ряд, вероятно, следует поставить и тех «*клюшников, ларешников*», о которых писал И.Н.Смирнов. Очевидно, что функционально и семантически эти образы НПМ перекликаются с народными представлениями о том, что рай или «небо» размыкаются лишь в назначенные моменты календарного времени и происходит это с помощью определенных персонажей (в восточнославянской традиции хранителем «ключей» выступает обычно св. Николай, реже – апостол Петр [Слав. древности 1999: 512]). Можно предположить, что к этому же ряду персонажей НПМ относится упоминаемый в них Иван Батожник (Бутыжник); его атрибут, батог (большая палка), указывает на функцию «сторожа», охраняющего вход в иной мир. Скорее всего, здесь прослеживается влияние иконографии Иоанна Крестителя, изображаемого обычно с посохом пастыря.

Символика «открывания-закрывания», явно присутствующая в именах перечисленных персонажей, усиливается в молитвах соответствующим мотивом – просьбой отпустить всех умерших родственников на поминки. Мотив этот присутствует в 10 текстах из 16. Сам характер обращения к высшим силам очевидно сближает его с заговорной жанровой традицией: «*Мать сыра земля, открывайте ворота лево и направо, отпускайте всех моих сродников...*»; «*Берите 77 ключей, открывайте 77 замков, открывайте 77 дверей, отпускайте наших родителей*»; «*отворяйте 12 замков золотыми ключами, отпустите всех наших родственников*»; «*Три тысячи дверей, замки, три окна, отпирайтесь, отпускайте наших родителей...*», и т.п. Отметим, что близость к заговорам прослеживается и у других жанровых разновидностей апокрифических молитв [Левкиевская 2002; Топорков 2008; Фишман 2003: 276–277].

4) Умершие родственники. Важное место среди перечисляемых номинаций занимают умершие родственники говорящего: «*все мои сродники, родители, родственники*», «*старые дедушки, старые бабушки*», «*все сродники по плоти*», «*братья, сестры, старые, девицы*», «*старые родители*», «*усопшие родители*» и т.п. Обычно в НПМ они названы обобщенно, однако в текст молитвы могут включаться и конкретные личные имена (см. фрагменты интервью №3 и 16). В перечислительном ряду место умерших родных варьируется; чаще всего их упоминают после святых, а иногда и после имен первопоселенцев, выступающих как персонажи локальной «священной истории».

Подобная последовательность называния (ветхо- и новозаветные святые – святые более позднего времени – служители церкви – простые миряне) закреплена в православной богослужебной практике, к примеру в проскомидии, – первой части литургии, во время которой происходит приготовление к евхаристии. В конце проскомидии священник зачитывает имена из записок, поданных мирянами, желающими помянуть за здравие или за упокой своих близких [Проскомидия]. Перечень имен усопших, подготовленный для их церковного поминания, лежит также в основе специальных книг – «помянников» (синодиков), которые составлялись при храмах и, среди прочего, включали имена местных священников; такие списки зачитывались в ходе проскомидии. Помянники велись и в отдельных семьях, в том числе крестьянских; в этом случае имена умерших зачитывались во время частной (домашней) молитвы. Во время полевых исследований в КПО авторам статьи

доводилось видеть простейшие помянники («поминальнички») – тонкие книжечки, купленные в церковной лавке, куда пожилые женщины от руки вписывают имена «своих» умерших (родственников по своей линии и линии мужа), а также важные для их поминания даты («годыны», «память»). Таким образом, можно предположить, что основная композиционная структура НПМ, представляющая собой перечень имен, была хорошо знакома коми-пермякам по церковным формам культуры; вследствие своей простоты именно перечисления имен были той частью религиозных текстов, которая могла восприниматься даже неграмотными крестьянами, плохо владевшими русским языком. Возможно, все это способствовало широкому распространению НПМ среди коми-пермяцкого населения.

Включение в народные молитвы «старых дедушек, старых бабушек» сближает их с традиционными формулами-приглашениями, призывающими умерших на поминальную трапезу. «Бабушками и дедушками» здесь, по-видимому, называются не только прямые родственники говорящего, но и вообще все люди, издавна жившие в данном населенном пункте и похороненные в его окрестностях («предки» в широком смысле). Как уже говорилось, с их почитанием у северных коми-пермяков связываются коллективные посещения старых кладбищ (причисляемых иногда к «чуждым местам»); примечательно в этой связи свидетельство начала прошлого века, относящееся к поминкам на поле Шойнаыб в д. Войвыл: «Здесь при рытье дорожных канав в 1908 г. жителями были открыты кости людей и найдены некоторые чуждые изделия. Это открытие могильника повело к установлению поминального дня погребенных здесь людей. Женщины-пермячки, не зная имен умерших, при чтении молитв поминают так: “Помяни старых дедушек и бабушек”. Духовенство тоже было вынуждено являться сюда для поминовения и молиться об усопшей чуди» [Кривошеков 1914: 301–302].

Наши полевые исследования показывают, что в традиционной культуре коми-пермяков практика поминаний не ограничивается похоронно-поминальным и календарным циклом, а распространяется на сферу повседневности. Многие пожилые женщины поминают умерших каждый день: разломив испеченный хлеб, они приглашают «старых дедушек и бабушек» поесть: *А я стряпаю, дак: “Идите, дедушки, бабушки, кушать!” У меня всех <умерших родственников> надо поить-кормить. А я когда стряпаю, дак всех поминаю: “Идите, кушайте, знающие, незнающие!.. Не знаю, как звали, да идите кушай-*

те!” Они не кушают, только паром хлебаются (ЕАИ). Сходный обычай зафиксирован этнографами и у коми (зырян): «<...> первый вынутый из печи хлеб посвящался умершим; рекомендовалось преломить его, прочесть молитву, пригласить покойников со словами: “<...> Придите, попробуйте, дорогие родители”, – причем все умершие данной семьи перечислялись поименно» [Народы Поволжья 2000: 149].

Большая интенсивность и устойчивость поминальных практик (по сравнению с обрядами соседнего русского населения) поддерживается у северных коми-пермяков верой в *мыжу* – наказание в виде внезапной болезни человека или пропажи скота, которое посылает умерший родственник, если его перестают помянуть. Кроме «своих» умерших, *мыжу* могут «дать» похороненные на важ-местах «старые люди» (мокинские, нюрмэдорские, шойнаыбские) или христианские святые; все они, таким образом, включаются в категорию «предков». Чтобы определить, кто именно «дал *мыжу*», совершается специальный гадальный обряд – *черешлан*; некоторые из наших информантов объясняли важность личных «поминальничков» тем, что к черешланнице нужно идти с готовым списком «своих покойников». Примечательно, что происходящее в процессе гадания перечисление «предков» частично совпадает со структурой НПМ.

5) Умершие неестественной смертью («заложные»). Особое место в кумулятивной структуре НПМ занимают умершие «не своей смертью»: «военные солдаты, на поле пропавшие», «топором отчищенные, ножом отрезанные, землей задавленные, ружьем застреленные, воду утоплявшиеся, без вести пропавшиеся», «в огне загоревшиеся, в лесу заблудившиеся», «на дороге умирающие», «машиной задавленные» и т.д. Они названы в 12 текстах из 14, что, по-видимому, свидетельствует об особой значимости этой группы для данной жанровой разновидности НПМ. Помимо умерших внезапной смертью (т.е. без покаяния), молиться за которых церковь разрешает, в народных молитвах фигурируют и самоубийцы («петлей висившиеся», «отравляющиеся, задавливающиеся» и др.), церковное поминовение которых запрещено. Очевидно, что перечисленные умершие имеют прямое отношение к т.н. «заложным» покойникам, простонародные представления о которых подробно описаны Д.К.Зелениным [Зеленин 1994]. Исследователями уже отмечалась связь с «заложными» тех «старых людей», которые согласно устной традиции коми-пермяков погребли себя заживо на важ-местах [Чугаева 2008: 269–270]. Думается, однако, что в этом случае точнее говорить о при-

надлежасти последних к особой разновидности «заложных» – т.н. «заложным родителям», которых «не считали нечистыми, более того, в некоторых местах места погребения таких умерших отчасти выполняли функции местных святынь» [Панченко 2008: 237].

Анализ НПМ позволяет выявить в них не только собственно народные представления, но и существенную связь с религиозными формами культуры. В ряде текстов, кроме погибших неестественной смертью, названы и умершие, которых некому поминать («бездетные, беспризорные, сироты и вдовицы»), а также «кормящие и поящие, подающих милостины», «благодетели»; молиться за них считается духовным долгом христианина [Афанасий 2008]. Повидимому, и эти и некоторые другие номинации усопших, фигурирующих в НПМ, вошли в них под влиянием церковного первоисточника – «Молитвы о всех православных христианах» Кирилла Иерусалимского. По наблюдениям исследователей-медиевистов, текст этой молитвы был переведен на церковно-славянский язык в XV в. и получил развитие в древнерусской монастырской книжности (в составе синодиков-помянников) [Дергачева 2011: 25–33]. Отметим, что практика поминания всех «от века умерших христиан» не ограничивалась клерикальной средой, а была известна повсеместно, поскольку дважды в год – на Мясопустной неделе и перед Троицей – церковь проводит т.н. Вселенские панихиды. На этих службах принято особо молиться о внезапно умерших – тех, кто «в мори, или на земли, или в реках, источниках, или езерех, или в ровенницах снедь зверем бывшия, и птицам, и гадом <...> Напрасно восхищенныя, попяляемыя от молнии, и измерзшия мразом, и всякою раною» [Суббота мясопустная]. Примечательно, что НПМ произносятся во время коллективных поминок на важ-местах, проводимых чаще всего в субботу перед Троицей, т.е. в тот же день, когда умерших без покаяния поминуют в церкви.

При назывании усопших в НПМ явное предпочтение отдается причастиям и причастным оборотам. Эти грамматические конструкции связаны с церковно-письменной культурой, однако используются они и в фольклорных жанрах, ориентированных на книжную традицию. В т.н. Олонецком сборнике заговоров (вторая четверть XVII в.) содержится «черный» заговор, наименования умерших в котором семантически и грамматически близки к номинациям НПМ: «*Лягу не благословясь, стану не перекрестясь, стану будити умерших: Станьте, умершии, розбудите убитых! Станьте, убитыи, розбудите усопших!*

Станьте усопшии, розбудите з древа падиших! Станьте, з древа падишии, розбудите заблудящих! <...> Станьте, некрещеныи, розбудите безымянных!» [Русские заговоры 2010: 140]. Еще более близкая параллель обнаруживается в белорусских молитвенных стихах по умершим: «*Вспомяни, Господзи: / На огне сгорящих, / На водзе потоплящих, / В лесу заблудзящих, / Древом побиенных, / Гролом убиенных, / Молнией сожженных...*» [Шейн 1893: 672]. Данное сходство может объясняться происхождением от одного церковно-книжного источника: вероятно, белорусские поминальные стихи являются результатом независимого, параллельного развития молитвы Кирилла Иерусалимского в русле другой региональной (и этнокультурной) традиции.

Связь НПМ с церковно-религиозными и фольклорными формами культуры нуждается в дополнительном изучении. Пока же очевидно, что эта жанровая разновидность религиозного фольклора, имеющая книжное происхождение, отражает воздействие канонизированных (одобренных церковью) и неканонических поминальных практик. Композиционная структура НПМ, в основе которой лежит открытый перечислительный ряд, способствовала их адаптации к коми-пермяцкой традиции. В текст молитв были включены имена местных первопоселенцев и других «старых людей», места погребения которых пользуются особым почитанием; сами молитвы произносятся на всех поминальных обедах, в т.ч. устроенных для избавления от мыжи. Относительно простая форма НМП с ее однообразной ритмикой идеально вписалась в ритуальные действия, наполняющие содержание молитвы глубокими личными и коллективными переживаниями. В свою очередь, заимствованные у русского населения апокрифические тексты способствовали более глубокому проникновению в коми-пермяцкую культуру некоторых христианских образов и идей. Таким образом в «пространстве текста» отразилась ситуация межкультурного пограничья и межэтнических контактов русских и коми-пермяков.

Список информантов

БАЕ – Батуева Александра Егоровна, 1931 г.р., с.Пуксиб Косинского р-на КПО; зап. в 2011 г.

БКЕ – Батуева Клавдия Егоровна, 1927 г.р., д.Чазёво Косинского р-на КПО; зап. в 2002 г.

БНС – Батуев Николай Степанович, 1934 г.р., д.Пеклаыб Косинского р-на КПО; зап. в 2000 г.

ВМГ – Вавилина Мария Григорьевна, 1940 г.р., д.Сеполь Кочёвского р-на КПО; зап. в 2010 г.

ГИА – Голева Ирина Александровна, 1928 г.р., с.Пуксиб; зап. в 2000 и 2011 гг.

ГНВ – Гладикова Надежда Владимировна, 1955 г.р., д.Отопково Кочёвского р-на КПО; зап. в 2010 г.

ГТВ – Гагарина Тамара Васильевна, 1935 г.р., род. в д.Борино Кочёвского р-на КПО; зап. в 2011 г.

ЕАИ – Епанова Александра Ивановна, 1939 г.р., с.Б.Коча Кочёвского р-на КПО; зап. в 2011 г.

КМС – Кучева Мария Степановна, 1944 г.р., д.Бачманово Косинского р-на КПО; зап. в 2000 г.

ОЛС – Осипова Любовь Сергеевна, 1957 г.р., д.Чажегово Гайнского р-на КПО; зап. в 2003 г.

ПЕФ – Петрова Екатерина Федоровна, 1941 г.р., д.Пелым Кочёвского р-на КПО; зап. в 2010 г.

ПКМ – Павлова Клавдия Михайловна, 1928 г.р., д.Кукушка Кочёвского р-на КПО; зап. в 2000 г.

РАС – Рожнёв Андрей Степанович, 1919 г.р., с.Б.Коча; зап. в 2000 г.

РЕА – Рискова Екатерина Андреевна, 1940 г.р., с.Б.Коча Кочёвского р-на КПО; зап. в 2011 г.

СМЕ – Салтанова Мария Еремеевна, 1924 г.р., д.Чазёво; зап. в 2002 г.

ФНП – Федосеева Нина Павловна, 1940 г.р., д.Войвыл Косинского р-на КПО; зап. в 2011 г. (совместно с Т.Г.Голевой).

ФОА – Федосеева Ольга Андрияновна, 1925 г.р., с.Пуксиб; зап. в 2000 г.

ХМЯ – Хомякова Мария Яковлевна, 1940 г.р., д.Борино; зап. в 2011 г.

Список литературы

Афанасий (Сахаров), архиеп. О поминовении усопших по Уставу Православной Церкви. Киев, 2008. URL: <http://pravbeseda.ru/library/index.php?page=book&id=479> (дата обращения: 15.09.11).

Грибова Л.С. Пермский звериный стиль (Проблема семантики). М.: Наука, 1975. 148 с.

Дергачева И.В. Древнерусский Синодик: исследования и тексты // Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. VI. М.: Кругъ, 2011. 404 с.

Зеленин Д.К. К вопросу о русалках (культ покойников, умерших неестественной смертью, у русских и у финнов) // Зеленин Д.К. Избр. труды: статьи по духовной культуре. 1901–1913. М.: Индрик, 1994. С.230–298.

Климов В.В., Чагин Г.Н. Круглый год праздников, обрядов и обычаев коми-пермяков. Кудымкар: Коми-перм. кн. изд-во, 2005. 256 с.

Королёва С.Ю. Представления о мыже в народных поминальных молитвах, несказочной прозе и обрядовой практике коми-пермяков (опыт системного описания) // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып.4. С.194–203.

Кривошеков И.Я. Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии. Пермь, 1914.

Левкиевская Е.Е. Народные молитвы и апокрифические тексты как обереги // Живая старина. 2002. №4. С.23–25.

Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты / отв. ред. Н.Ф.Мокшин и др. М.: Наука, 2000. 579 с.

Панченко А.А. «Заложные родители»: смерть, коллективная память и сакральное пространство // Сакральная география в славянской и еврейской культурной традиции: сб. ст. М.: Центр «Сэфер», 2008. С.232–259.

Проскомидия // Символ веры [Электронный ресурс]. URL: <http://simvol-veri.ru/xp/proskomidiya.html> (дата обращения: 13.09.11).

Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в. / Сост., подготовка текстов, статьи и коммент. А.Л.Топоркова. М.: Индрик, 2010. 832 с.

Славянские древности: Этнолингв. словарь: в 5 тт. / под ред. Н.И.Толстого. М.: Индрик, 1999. Т.2. 680 с.

Смирнов И.Н. Вотяки. Историко-этнографический очерк // Изв. об-ва археологии, истории и этнографии при Император. Казан. ун-те. Т.VIII, вып.2. Казань, 1890.

Смирнов И.Н. Пермяки. Историко-этнографический очерк // Там же. Т.IX, вып. 2. Казань, 1891.

Суббота мясопустная. Текст службы // Православие.ru [Электронный ресурс]. URL: <http://days.pravoslavie.ru/rubrics/canon293.htm?id=293> (дата обращения: 09.09.11).

Топорков А.Л. Магические тексты в устных и рукописных традициях России XVII—XVIII вв. // Одиссей. Человек в истории. 2008. Script/Oralia: взаимодействие устной и письменной традиций в Средние века и раннее Новое время. М., 2008. С.13–28.

Фишман О.М. Жизнь по вере: тихвинские карелы-старообоядцы. М.: Индрик, 2003. 408 с.

Четина Е.М. Пасха и Плэшка: весенняя обрядность северных коми-пермяков // Временник Зубовского института. Вып.3. Пасха: Многообразие культурных традиций / ред.-сост. В.В.Виноградов. СПб., 2009. С.92–98.

Четина Е.М., Роготнев И.Ю. Символические реальности Пармы: очерки традиционной культуры Пермского края / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2010. 224 с.

Чугаева С.В. Праздник «Пестера» (Пестерья) у северных коми-пермяков // Коми-пермяки и финно-угорский мир: сб. ст. Кудымкар, 2007. Т.1. С.359–362.

Чугаева С.В. Важ важжез касьтылём – поминовение предков на культовых местах коми-пермяков // Сакральная география в славянской и еврейской культурных традициях: сб. ст. М.: Центр «Сэфер», 2008. С.260–271.

Шейн П.В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб., 1893. Т.2.

FOLK FUNERAL PRAYERS: THE POETICS OF GENRE AND SPECIFICITY OF EXISTANCE

Svetlana U. Korolyova

Reader of Russian Literature Department
Perm State National Research University

Elena M. Chetina

Reader of Russian Literature Department
Perm State National Research University

Ilya U. Rogotnev

Senior Lecturer of Russian Literature Department
Perm State National Research University

The article is devoted to folk funeral prayers. All the texts are fixed by the authors in the northern part of the Komi-Permyak district. The composition of folk prayers is based on an open (incomplete) recital row. The majority of the characters in the texts can be divided into 5 groups: 1) characters of the Christian origin; 2) local founders of settlements known in folklore; 3) characters with names containing the semantics of «opening – closing»; 4) dead relatives («ancestors»); 5) people who unnaturally died (“zalozhnye”). The situation of cultural contacts between Russian and Komi-Permyaks is reflected in the texts of folk funeral prayers.

Key words: Komi-Permyaks; folk funeral prayers; composition; specificity of genre; local tradition; folk religion.